

Н. Долинина

Соня

Мне всегда жалко, что Соня не вышла замуж за Долохова. Может быть, своей преданностью, своим самопожертвованием она действительно возродила бы и очистила его. Ведь умеет же он любить мать, своего «обожаемого ангела» — Соня заслужила такую же любовь, и были бы они счастливы...

Но это невозможно, потому что невозможно. Долохов влюбился в Соню именно из-за того, что увидел, как верно и преданно она умеет любить. Если бы сердце Сони было свободно, Долохов, может, и не заметил бы ее. А теперь она была бы другим человеком, если бы разлюбила Николая и отдала свое сердце Долохову.

Одна девятиклассница написала сочинение о том, что Соня — лучшая из всех женщин в «Войне и мире». Она лучше Наташи, непрестанно меняющей свои привязанности, лучше княжны Марьи, в которой иногда просыпаются нетерпимость, властность и резкость отца; Соня — цельный человек, верный и чистый; она никогда, ни разу на протяжении всего романа не совершит никакой ошибки; пятнадцать лет ее жизни пройдут перед нами — она не изменится, останется той же...

Все это — правда. Но все-таки многое в поведении Сони удивляет и огорчает нас. Ведь есть же у нее нормальные человеческие чувства: ревность к Жюли, потом к княжне Марье, обида на старую графиню, мешающую ее браку с Николаем. Она подавляет в себе эти чувства, она слишком хорошо владеет собой.

Первое ее появление настораживает: «тоненькая, миниатюрненькая брюнетка... напоминала красивого, но еще не сформировавшегося котенка, который будет прелестною кошечкой». Эти уменьшительные суффиксы, это сравнение с кошечкой, которую она напоминала не только «мягкостью и гибкостью маленьких членов», но и «несколько хитрою и сдержанною манерой...»

Кстати сказать, никакой хитрости мы в ней не увидим. Она — только в манере, во внешнем. Но с первых строк о Соне Толстой несколько принижает ее — зачем?

Затем, что, по Толстому, безгрешен не тот, кто без греха, и чист не тот, кто не ошибается. Важна чистота души, а она рождается в преодолении ошибок и заблуждений. Потому Толстой и любит больше Наташу, чем Соню; потому княжна Марья непрестанно борется с искушениями, и ужасается греховности своих мыслей, и снова думает, и снова осуждает себя.

Вера Ростова сказала однажды: «В моих поступках никогда ничего не может быть дурного». Соня не думает и не говорит о себе так, но эти слова можно сказать и о ней: в ее поступках никогда ничего не может быть дурного. Ее мир строг и ясен: влюбившись в Николая девочкой, она твердо знает: «что бы ни случилось с ним, со мной, я никогда не перестану любить его — во всю жизнь».

А Николаю мало ее верной, преданной, тихой любви! Приехав домой в отпуск, он застаёт шестнадцатилетнюю Соню расцветшей, похорошевшей, по-прежнему любящей и благородной: через посольство Наташи она передает ему, что будет любить его всегда, а он пусть будет свободен от данного полгода назад слова. «Ростов видел, что все это было хорошо придумано ими. Соня... поразила его своей красотой... Отчего же ему было не любить ее и не жениться даже, думал Ростов, но не теперь. *Теперь столько еще других радостей и занятий!*»

Мыслимо ли себе представить, чтобы человек, влюбленный в Наташу (даже Анатолю), видел в жизни «столько еще других радостей и занятий»? С Наташей не может

быть скучно; она всякую минуту живет полной жизнью и вовлекает в эту жизнь всех вокруг. Соня срисовывает узоры — таково ее постоянное занятие.

Николай не восхищается ею, как Денисов восхищался Наташей; не делит мир на две половины: где она — там счастье, где ее нет — там уныние и темнота, как делил князь Андрей; Николай не испытывает к ней даже того зверского чувства, которое возбуждает Наташа в Анатоле; его трогает Сониная преданность, ее покорная любовь, но ведь этого все-таки мало, чтобы любить.

Наташа, Николай и Соня вспоминают детство. «Соня не помнила многого из того, что они помнили, а и то, что она помнила, не возбуждало в ней того поэтического чувства, которое они испытывали. Она только наслаждалась их радостью, стараясь подделаться под нее».

Наташа вынесла свечу, стало темно; шепотом Наташа сказала: «Знаешь, я думаю... что когда этак вспоминаешь, вспоминаешь, все вспоминаешь, до того довоспоминаешься, что помнишь то, что было еще прежде, чем я была на свете.

— Это метампсихоза, — сказала Соня, которая всегда хорошо училась и все помнила».

Хорошо училась и все помнила — а вот же забыла детство, не может разделить поэтического чувства Наташи и Николая. Как это мало — помнить умом и не уметь вообразить, фантазировать, помнить сердцем!

Один-единственный раз Соня что-то выдумала. Объективно — она солгала. Но эта ложь рождена вдохновением. На святках, в тот же вечер, когда Наташа и Николай вспоминали и философствовали, поздно ночью девушки решили гадать по зеркалам.

Наташа ничего не увидела — и Соня не увидела. Но она вскрикнула, устав смотреть в зеркало, и невольно сказала: «Я... видела его» — а потом сама поверила, что видела князя Андрея, и рассказала подробности.

Этот приступ вдохновения был вызван тем, что произошло в тот же вечер. Пришли ряженые — молодые Ростовы тоже переоделись. Соня находилась «в несвойственном ей оживленно-энергическом настроении», и ночь была сказочная, и Николай, со своей способностью поддаваться поэзии музыки и природы, был взволнован этой ночью и близостью Сони.

Таинственной, сказочной ночью все приехали к соседям. Зашел разговор о том, что в бане гадать страшно. Кто-то сказал:

«— Да не пойдете, тут надо храбрость...

— Я пойду, — сказала Соня».

Каждый раз, читая это место, удивляешься: как Соня? Это могла сказать Наташа, не Соня!

И она пошла, а Николай выскочил на крыльцо, встретил ее у амбара, они поцеловались... В этот вечер Николай увидел совсем новую Соню. «Так вот она какая, а я-то дурак!» — думал он. Но она не такая. Один только раз в ней проснулась Наташа и сразу спряталась, и больше не показывалась. А может, показалась бы и расцвела, если бы Николай больше любил ее, не уезжал так надолго? И главное, какой была бы Соня на месте Наташи или княжны Марьи, если бы не приучила себя всю жизнь смиряться, терпеть, покоряться?

Положение Сони в доме Ростовых — при всей их доброте — незавидное. Она училась вместе с Наташей, ее так же одевали, так же кормили, как родную дочь, но сама Соня не могла чувствовать себя равной девочкам Ростовым, она оставалась бедной родственницей и всю жизнь чувствовала себя облагодетельствованной.

Именно поэтому она слишком хорошо владеет собой, именно поэтому, узнав о Наташином увлечении Анатодем, Соня подумала: «Теперь или никогда пришло время доказать, что я помню благодеяния их семейства...»

И любовь Сони к Николаю могла бы быть иной, более яркой, более страстной, если бы не то положение в доме, которое заставляло бедную племянницу бояться то Веры, то старой графини. Любовь ее бескрылая, но, может быть, именно потому, что ей с самого начала подрезали крылья?

Только один раз, на святках, в Соне проснулась смелая и свободная девушка, но больше никогда Соня не была такой, как в этот вечер, и вернулась к своим узорам, к своему тихому самопожертвованию.

В эпилоге Наташа скажет о ней: «пустоцвет» — и в этом слове будет жестокая правда. С самого начала, с детства, она не имела права на ту полноту чувств, которая переполняет Наташу. И в конце романа Толстой вернется к тому сравнению, с которым Соня появилась на первых страницах: «Она дорожила, казалось, не столько людьми, сколько всей семьей. Она, как кошка, прижилась не к людям, а к дому. Она ухаживала за старой графиней, ласкала и баловала детей, всегда была готова оказать те мелкие услуги, на которые она была способна; но все это принималось невольно с слишком слабою благодарностью...»

Жалко Соню. Так сложилось, что жизнь ее и вправду оказалась пустой, но если вдуматься, разве она виновата в этом?